

Жар дыхания меж подушек обжигал кожу.

Янь Ци чуть отвернул голову, но слова Хо Лина всё ещё стояли в ушах:

— Сяо Ци... помоги мне.

Он не сразу понял, что именно значит это «помочь», и, сгорая от стыда, прошептал:

— К...как помочь?

Хо Лин уже едва держался, тело его ныло от напряжения. Он наклонился, нашёл под одеялом руку гера и мягко притянул к себе. Когда ладони соприкоснулись, Янь Ци судорожно втянул воздух, глаза его широко раскрылись. Он так смутился, что другой рукой поспешно закрыл рот, позволяя Хо Лину направлять движение, не смея даже думать о том, что происходит под укрывающим их одеялом.

...

Всё повторилось дважды, и лишь два полотняных полотенца помогли стереть следы. Когда наконец ясность вернулась, и к лицу Хо Лина прилила жгучая краска, он откинул край одеяла, выпуская внутрь прохладный воздух.

— Я схожу за водой, умоемся и спать.

Янь Ци, оставшись один, ещё долго лежал неподвижно в прежней позе. Лишь спустя какое-то время он осторожно пошевелил ногами в изнеможении, всё тело ломило. «Так вот ещё что бывает между супругами...» — подумал он, потянулся было к лицу, но вспомнил, к чему прикасалась его ладонь, и поспешно опустил руку обратно.

Хо Лин скоро вернулся с водой, чтобы тот мог вымыть руки. Янь Ци присел на корточки, тщательно потер ладони, а когда поднялся, увидел, что Хо Лин, наклонившись с лампой в руках, внимательно осматривает постель, и лишь после этого удовлетворённо выпрямился.

Впервые пережив такое, оба словно стеснялись взглянуть друг другу прямо в глаза. Но когда снова улеглись, не сговариваясь, прикрылись лишь одним одеялом, а второе отодвинули к стене.

Хо Лин, хоть и не довел дело до конца, всё же получил свою долю утешения: прижимая к себе фулана и закрывая глаза, он не мог сдержать улыбки. А Янь Ци и впрямь вымотался от напряжения, от непривычной боли в запястье и вскоре погрузился в глубокий сон.

На рассвете Хо Лин проснулся первым. Ночь прошла крепко, ни снов, ни тревог. Попытавшись

повернуться, он обнаружил, что край одеяла придавлен спящей фигурой. Янь Ци лежал к нему боком, глаза сомкнуты, дыхание ровное, щёки, будто напитанные его жаром, розовели особенно ярко.

Сердце Хо Лина потеплело. Он тихо склонился и коснулся губами лица спящего. Первый раз в жизни решился на такое и думал, что вышло совсем легко, но этого оказалось достаточно, чтобы разбудить гера.

— ...Уже рассвело? — голос Янь Ци звучал сонно. Он ещё не осознал, что произошло мгновение назад. Протёр глаза и собирался приподняться.

— Сегодня надо приготовить тебе сухой паёк, — сказал Янь Ци, — я потому и встану пораньше. Заодно уж вскипячу воду, чтобы потом все вместе — брат с женой и Иньцзы — позавтракали.

Хо Лин взглянул на небо: час был ещё самый ранний, примерно Мао, и, пожалуй, луна всё ещё оставалась на небосводе. Он даже пожалел, что невольно разбудил фулана.

— Рановато ещё, полежал бы ты немного.

— Ты-то спи, а я уже нет: стоит лишь открыть глаза и больше не могу уснуть.

— Тогда и я встану вместе с тобой.

Ведь если фулан поднялся, как можно оставаться одному в постели?

Они оба натянули одежду, обулись и вышли из комнаты.

Хотя кухня и примыкала к спальням, но стоило лишь открыть дверь, как в помещение ворвался лёгкий холодок. Прислушавшись к соседней половине дома и убедившись, что Хо Фэн с семьёй ещё спали, они двигались осторожно, без лишнего шума.

Воду для умывания они вылили, налили свежую и поставили в глиняном кувшине на низкую печурку греться. Янь Ци тем временем насыпал в котелок кукурузной крупы и поставил варить кашу на завтрак. Кукуруза обходилась дёшево и потому считалась в деревнях едой повседневной. За несколько дней в доме Хо он уже приметил, что по утрам все обычно едят так: каждому по чашке каши с квашеной закуской; вкусно и сытно.

Кроме того, варили яйца. Раньше только одно, и то для Хо Ин, а теперь, с приходом Янь Ци, добавили ещё одно, чтобы гер поправлялся.

Но если раньше яйца всегда варила Е Супин, то теперь, когда настала очередь Янь Ци, он никак не решался взять лишнее для себя. Весна ещё толком не вступила в силу, куры неслись

редко, и яйца стоили дорого. Каждое, пожалуй, обходилось в два-три вэня, а то и больше.

Он уже помыл одно и опустил в котелок, когда проходивший мимо Хо Лин заметил это и сам добавил ещё одно.

— Не стесняйся, — сказал он. — Яйца хоть и от кур, что держит невестка, но мы ведь тоже в общую долю вносим.

— На самом деле вовсе не обязательно есть их каждый день. Инцзы растёт, ей нужнее, а мне без них всё равно, — тихо возразил Янь Ци.

— Как это «всё равно»? — хмуро возразил Хо Лин. — У нас ведь не каждый день мясо на столе. А если тебе даже яйца не достанется, когда же ты наберёшь хоть немного плоти?

И, не дожидаясь дальнейших отговорок, он сам положил ещё одно яйцо в верхний ярус паровой корзины. Так и получилось: внизу кипит каша, а сверху яйца доходят паром.

В это время из дровяного сарая выбрался Здоровяк. Он уже проснулся, услышав шаги хозяина, и теперь не спеша вышел во двор, встряхнул густой шерстью и смачно потянулся. Хо Лин налил ему в миску свежей воды и покрошил несколько кукурузных лепёшек в отдельную чашку.

— А вы чего это так рано поднялись? — первым вышел из дома Хо Фэн, подпоясываясь на ходу. Он зевнул так, что из глаз брызнули слёзы, и с недоумением прищурился. — Я ведь правильно помню: тебе, лао-эр*, только завтра в горы идти?

(ПП: второй ребенок)

— Завтра, — отозвался Хо Лин. — Разве ты не рад, что я становлюсь более прилежным и готовлюсь заранее?

Хо Фэн цокнул языком, не стал спорить; обошёл их с Янь Ци, бросил короткое «доброе утро» и присел у двери умываться.

Янь Ци подумал, что в доме Хо жить и правда легко. Братья были почти ровесники, ладили свободно, без лишней серьёзности: младший всегда оставался немного дерзким, вот и после свадьбы между ними ничего не изменилось. И даже когда у каждого появилась семья, их близость никуда не делась.

Когда все поели, на кухне запах каши сменился горьким духом лекарств, разносившимся далеко. Хо Лин, как всегда, протянул Янь Ци кусочек конфеты, глядя, как тот морщится над чашкой лекарства. Стоило сладости коснуться языка, терпкая приторность заглушила всю горечь, и складка между бровей разгладилась.

— Ты пойдёшь со мной в деревню Шуанцзинь? — спросил Хо Лин, собирая дорожную корзину. Вчерашний новенький кошелек, что сшил для него Янь Ци, он уже наполнил медными монетами и нарочно подвязал к поясу снаружи - так, что любому встречному бросалось в глаза.

- Я собираюсь к плотнику. Попрошу у старосты подводку, ты поезжай со мной, так не устанешь.

Янь Ци помедлил и всё же покачал головой:

— Нет, лучше останусь дома, займусь делом.

Помимо того, что нужно приготовить Хо Лину сухой провиант, он хотел поскорее раскрыть новое белье. Вчера, когда он мыл руки, он специально проверил свою единственную рубашку — к счастью, не запачкал. Сейчас на нём всё ещё висела одежда старшей невестки: если и её испортить, менять будет не на что. А стирать и вешать на глаза всей деревне - для него и вовсе невыносимо.

- Ну и ладно, — не стал настаивать Хо Лин. — На улице ещё не так тепло, не поедешь, и не нужно.

Он взял горшочек дикого мёда, добытого в горах, прихватил десяток солёных утиных яиц, что дала невестка, и отправился в дом Чжоу - за телегой и с благодарностью за хлопоты вокруг недавней свадьбы.

Чжоу Чэнцзу сначала отказывался что-либо принимать, но Хо Лин, пользуясь близостью, прямо прошёл в кухню и оставил гостинцы там. Потом они сели на короткое время, выпили по чашке чая. Услышав, что Хо Лин начал готовиться к свадебному пиршеству, Чжоу Чэнцзу не удержался и заговорил наставительно:

— Дальше уж живите ладно, серебро не трать попусту, копи. Потом и землю купишь, и дом поставишь. Не взыщи, что старый дядька много говорит, но даже если ты сам готов всю жизнь в горах провести, не поручусь, что и дети твои так же захотят. Твой отец с матерью ведь тоже когда-то ради вас с братом перебрались вниз, в деревню.

- Старший дядя говорит дело, я всё запомню.

Чжоу Чэнцзу помолчал пару ударов сердца, не дождавшись, что Хо Лин станет спорить, даже удивился:

— Ну прямо и не узнать тебя. Совсем другой стал с тех пор, как гер появился. Раньше-то где видано, чтоб ты так слушал?

Сидевшая рядом хозяйка, Чэнь-ши, улыбнулась:

— Что тут гадать, всё ясно: Хо-эр с Янь-гером ладят хорошо. Иначе отчего бы он принёс гостинцы и сам пришёл благодарить тебя за сватовство?

Староста обрадовался ещё больше и махнул рукой, мол, бери, что нужно, в заднем дворе телега стоит.

...Вернувшись домой, братья Хо выбрали заготовленные брёвна, уложили их на воз, крепко увязали конопляной верёвкой. Янь Ци вышел вместе с ними, проводил Хо Лина до ворот. Здоровяк тоже увязался следом: хвост трубой, в горле нетерпеливое «ву-ву», видно, хотел идти вместе.

Янь Ци погладил его по лбу:

— Может, возьмёшь Здоровяка? Видишь, как он рвётся.

— Нет, — отмахнулся Хо Лин. — В чужих сёлах его только и примут за страшилище, переполоха будет больше, чем дела, потом не отвяжутся, одно расстройство.

Он нагнулся, подхватил перекатившийся к воротам соломенный мячик и швырнул подальше. Здоровяк тут же рванул за ним, подпрыгнув так высоко, что голова едва не задела перекладину.

— Когда будет время, поиграй с ним, — сказал Хо Лин. — Получит удовольствие и забудет про улицу.

Янь Ци кивнул, сделал несколько шагов вслед за Здоровяком. Хо Лин уже отъехал на несколько чжан, обернулся и увидел, что гер всё ещё стоит на том же месте. Улыбнулся, махнул рукой: мол, иди домой.

.....

— Хо-эр! Хо-эр!

Не прошло и четверти часа, как за селом, на просёлочной дороге, навстречу показалась ослиная повозка. На облучке сидел мужчина, окликнувший его.

Хо Лин поднял голову и сразу узнал давнего друга детства — Ян Циншэна из семьи Ян.

Род Ян когда-то тоже пришёл из-за границы, в бедственное время, и привёз с собой старинное

ремесло — умение делать зонты. Сначала его отец работал в деревне, отдавал готовые зонты на продажу в городские магазины. Позже, когда удалось скопить достаточно серебра, они сняли в уездном городке собственную лавку. Теперь, когда Ян Циншэн подрос и стал хозяином, отец вернулся в деревню доживать век, а всё дело перешло в его руки.

Поэтому Ян Циншэн сейчас почти всегда в городе, в село наведывается редко. К тому же Хо Лин чаще живёт в горах, так что в последний раз виделись они ещё на Новый год, когда ходили по соседям с визитами.

Увидев Хо Лина, Ян Циншэн тут же остановил повозку, подался вперёд и спросил:

— Везёшь брёвна? Куда путь держишь?

Узнав, что тот направляется в Шуанцзинь к столяру, Ян Циншэн не спешил уезжать, а спрыгнул с повозки, толкнул его локтем в бок и, хитро прищурившись, засмеялся:

— Редко встретишь тебя в деревне, так что говори честно. Слышал я... что, ты, братец, женился на гере?

Хо Лин рассмеялся:

— Ну и слухи до тебя доходят, кто тебе сказал?

— Это уж не твоё дело, — отмахнулся Ян Циншэн, веселясь ещё больше. — Лучше Расскажи-ка мне про новую невестку?

— Быстро ты язык перестроил, — улыбнулся Хо Лин. — Конечно, он хороший человек.

Подумав, добавил:

— Характер мягкий, готовить умеет, да и Здоровяк к нему сразу привязался. В общем, мы сходимся.

Ян Циншэн, слушая первые слова, оживился, но к последнему только закатил глаза:

— Я уж думал, что с появлением фулана у тебя что-то изменится. А ты, как и прежде, три слова и всё про своего Здоровяка. Прямо как твой брат говорил: тебе бы с собакой в горах побрататься и вовсе домой не возвращаться.

— Я ж давно говорил: мне нужен такой гер, чтобы со мной в горы ходил и Здоровяка не боялся. Ты ведь знаешь не первый день, — сказал Хо Лин.

Ян Циншэн закивал нарочито поспешно:

— Да-да-да, конечно.

За что и схлопотал кулаком в плечо.

Они договорились, что до того, как Хо Лин снова уйдёт в горы, вечером сесть вместе и немного выпить. После этого Ян Циншэн сменил тему:

— Слушай, если едешь в Шуанцзинь, ступай прямо к старику Му, не броди по деревне. Я вот проезжал и видел: из уезда прибыло двое стражников. При мечах, серьёзные — жуть какая.

Хо Лин приподнял бровь:

— Стража? В Шуанцзине? Неужели случилось что-то серьёзное?

Он понимал: у нынешних уездных ловцов и в самом городе дел невпроворот, а уж деревенские мелкие кражи или драки обычно решали сами старосты. Раз стража лично выехала, значит, произошло что-то серьёзное.

Ян Циншэн покачал головой:

— Кто ж его знает. Но ты поосторожнее.

Для простого народа нет ничего хуже, чем вляпаться в дела ямена, а Хо Лин и без того с виду не из тех, кого легко обидеть.

— Понял. Спасибо, я быстро туда и обратно, — кивнул тот.

По дороге он снял с пояса нож и спрятал за пазуху, чтобы было меньше придирок.

Когда показались окраины Шуанцзиня, первым делом Хо Лин увидел старый колодец у въезда. Вокруг него были свежие перила. Колодец этот веками не пересыхал, вода в нём сладкая, потому и слыл поселок благополучным фэн-шуй, да и народу здесь жило больше, чем в других деревнях.

Но нынче всё было так, как предупреждал Ян: улица пустынна, ворота в домах наглухо заперты, словно каждый прятался, чтобы не накликать беду.

Хо Лин прибавил шаг и вскоре постучал в ворота семьи Му.

За дверью раздалось осторожное:

— Кто там?

— Я из деревни Сяшань, из семьи Хо. Пришёл к старику Му заказать сундук и шкаф.

Фулан семьи Му знал и дом Хо, и самого Хо Лина, так как прежде бывал у них. К тому же высокий, ладный мужчина запоминается, как тут забудешь?

Он отворил калитку, но лицо оставалось настороженным.

— Быстрее в дом, — шепнул, — нынче в поселке неспокойно.

— Что случилось? — спросил Хо Лин без лишних эмоций.

Тот скривил губы, отмахнулся:

— Дела богатых дворов, нам-то куда соваться.

<http://bllate.org/book/13599/1205867>